

The World Social Forum (WSF) and social network Care2 websites linguistic data analysed in this article show that one of the most important characteristics of modern anti-globalisation discourse is the existence of emotive language function in it. The given examples demonstrate that this function is represented on morphological, lexical and syntactical levels of the English language. Within this the realisation the emotive function contains the speaker's subjective expression and persuasion. It becomes an effective means of the addressee's emotive impression and spreading the anti-globalisation ideas.

Key words: the anti-globalisation movement, anti-globalisation discourse, emotive function, persuasive function, bifunctional language units.

Стаття надійшла до редакції 24.01.2014 р.

Прийнято до друку 28.02.2014 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Левицький А. Е.

УДК 81-119(045)

Е. В. Ситникова

ЕДИНИЦЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ВНУТРЕННЕГО ЛЕКСИКОНА ЧЕЛОВЕКА

Согласно В. В. Красных, элементами „содержания” языкового сознания (внутреннего лексикона) являются ментефакты, то есть „те национально-культурные компоненты, которые входят в культурную компетенцию коммуникантов, формируются в процессе социализации личности и обуславливают национальную специфику ментально-лингвального комплекса представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества” [1, с. 154]. По признакам информативности и образности ученый выделяет три их типа: знания, концепты и представления.

„Знания – это некие „информационные”, „содержательные” единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную и иерархизованную систему” [1, с. 159]. Знания могут быть как культурно-нейтральными, так и национально-культурно маркированными. Культурно значимые знания могут иметь коннотации, но, в отличие от представлений, эти единицы не несут заложенную в них систему оценок, которая могла бы накладываться на окружающий мир.

Концепт понимается как „самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая языковому сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея „предмета” в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной

маркированностью” [1, с. 268]. Концепты лишены образной прототипичности (сближаются со знаниями), но в то же время они включают в себя коннотации (сближаются с представлениями).

Представления включают в себя собственно представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации.

„Определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений” [2, с. 11] формирует ядро национального культурного пространства, под которым В. В. Красных понимает „форму существования культуры в сознании человека” [2, с. 10]. По своей природе, по мнению ученого, „национальное культурное пространство – это информационно-эмоциональное („этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится „ощутимым” при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-лингво-культурного сообщества” [2, с. 11].

Языковое сознание „работает в двух режимах: пассивном, или знакопорождающем, ориентированном на переход от смысла к знаку, и активном, или смыслопорождающем, направленность которого противоположна пассивному, то есть настроена на смыслопорождение, на переход от знака к возможному смыслу. В первом случае известен (задан) смысл, и языковое сознание должно привести к выражению соответствующий этому смыслу знак, тогда как во втором, наоборот, – задан знак, и задача заключается в том, чтобы установить, какой смысл принадлежит ему в языковом сознании” [3, с. 178]. Соединение знака со смыслом создает ту основу, на которой, по мнению Ю. Н. Караулова, формируется – с помощью некоторых дополнительных процедур – элементарная, простейшая единица знания, из чего и строится языковое сознание.

Теоретические обоснования для выделения таких единиц и их типы представлены в работах некоторых лингвистов. За единицу знания принимают информему (В. В. Морковкин), лингвокультурему (В. В. Воробьев), логоэпистему (В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин, Н. Д. Бурвикова), ключевые слова национально-языковой картины мира (А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев) и т.д.

Термин „информема” В. В. Морковкин выводит, рассматривая проблему языка и мыслительной деятельности, основывающуюся на восходящей к неоплатоникам (Плотин, Порфирий и др.) и развитой Никейскими отцами (Афанасий Александрийский) и особенно отцами-каппадокийцами (Василий Великий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский) ипостасной концепции соотношения общего и единичного.

В соответствии с данной концепцией мышление, сознание и язык могут рассматриваться как ипостаси единого ментально-лингвального

комплекса, под которым понимается „функционирующая на основе человеческого мозга самоорганизующаяся информационная система, обеспечивающая восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации” [4, с. 664].

В рамках ментально-лингвального комплекса мышление – это динамическая ипостась, сознание – накопительно-оценочная ипостась, а язык – инструментальная и коммуникативная ипостась. Динамическая природа мышления проявляется в том, что оно представляет собой постоянно протекающий в мозгу человека процесс мыслепорождения, основанный на обработке и преобразовании поступающей по разным каналам информации. Мышление, как и ментально-лингвальный комплекс в целом, включается с рождением человека и выключается только в момент смерти его мозга. Но для того чтобы мышление состоялось, оно должно располагать определенным инструментом, который обеспечивал бы целесообразное расчленение потока импульсов, идущих в мозг от органов чувств. В качестве такого инструмента и выступает язык. Главная функция языка по отношению к мышлению заключается в дискретизации информационного континуума, то есть в представлении его в виде совокупности информационных сгущений разного объема и содержания. Сознание как третья ипостась ментально-лингвального комплекса ответственно за интериоризацию (присвоение сознанием) в форме тех же информационных сгущений окружающего мира, в том числе самого человека как элемента этого мира, с установлением необходимых оценочных иерархий и ценностных ориентиров.

Информационные сгущения, с помощью которых благодаря языку осуществляется мышление и функционирует сознание, и были названы В. В. Морковкиным информемами. Согласно ученому, информема – это „базовая односторонняя единица ментально-лингвального комплекса, которая представляет собой некоторую информационную целостность, отличную от других, имеющих в ментально-лингвальном комплексе информационных целостностей” [4, с. 664].

Одним из важнейших свойств информемы является ее векторность. В соответствии с ней информема, будучи выделенной в мыслительной деятельности, непременно стремится к самообнаружению. Но для того, чтобы это произошло, она должна пройти через семиозис (означивание, превращение в знак) и стать двусторонней единицей. Если информема уже проходила через этот процесс, имеет место непервичное означивание, состоящее в поиске информемой присвоенного ей означающего. Если же информема проходит через указанный процесс впервые, то имеет место первичное означивание. Оно состоит в поиске подходящего означающего и установлении между ним и информемой ассоциативной связи по смежности. Информема, прошедшая через первичный семиозис, – это именованная информема, или концепт.

Становясь концептом, информема является уже достоянием не только отдельного человека, но и соответствующего этнического языка, а следовательно, и других людей, говорящих на этом языке. Язык связывает людей в этническую общность через концепты. Совокупность всех информем (именованных и неименованных), которыми располагает сознание человека, есть его знание.

С помощью информемы В. В. Морковкин раскрыл взаимосвязь трех ипостасей ментально-лингвального комплекса. По мнению ученого, мышление не вырабатывает язык: оно является постоянно действующей информационной системой, которая всегда функционирует посредством языка и иначе функционировать не может. Язык не есть сущность, вырабатывающая мышление: он является постоянно действующей артикуляционно ориентированной информационной системой, которая всегда функционирует, используя содержание и энергию мышления. Сознание не включает в себя мышление и язык, равно как и само не есть их составная часть: оно является постоянной действующей информационной системой координационно-регулирующего типа, которая осуществляет запечатление, хранение, систематизацию и оценку результатов ментально-лингвальной деятельности человека.

В. В. Воробьев за единицу знания принимает лингвокультуруму и определяет ее „как комплексную межуровневую единицу, которая представляет собой единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания” [5, с. 44 – 45]. По мнению ученого, изучение содержания лингвокультурум и особенно их значений, непосредственно отражающих внеязыковую действительность, может способствовать выяснению сущности взаимосвязей языка и культуры.

Описывая содержание и характер составляющих лингвокультурум, ученый отталкивается от концепции слова А. А. Потебни, опиравшегося в своих теоретических построениях на работы В. фон Гумбольдта. Согласно взглядам А. А. Потебни, развиваемым в его труде „Мысль и язык”, в слове „мы различаем внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание” [6, с. 160]. Внутренняя форма, по мнению В. В. Воробьева, не только репрезентирует мыслительное, внеязыковое содержание (дальнейшее значение слова), но и выражает национальную специфику слова и отражаемой им реалии культуры. Живая внутренняя форма передает восприятие предмета в его национальной специфике: это „центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление” [6, с. 130 – 131].

Таким образом, структура лингвокультурум оказывается более

сложной, чем у собственно языковых единиц. К обычным составляющим (знак – значение) здесь прибавляется культурно-понятийный компонент как внеязыковое содержание лингвокультуры. Данная составляющая обеспечивает прямой выход на обозначаемые классы предметов, то есть в материальную и духовную культуры.

„Лингвокультура ... аккумулирует в себе как собственно языковое представление („форму мысли“), так и тесно и неразрывно связанную с ним „внеязыковую, культурную среду“ (ситуацию, реалию), – устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны. Поэтому слово-сигнал неизбежно будит в человеке, знающем язык, особую культурную коммуникацию, не только значение как намек, но и всю совокупность „культурного ореола“ ... Незнание „культурного ореола“ слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания, текста как отражения культурного феномена” [5, с. 48].

Лингвокультуры разнообразны в своем языковом выражении – они могут быть представлены:

– словом. Таково, например, культурно-историческое содержание понятий *соборность* – „всеобщность, объединенность“, *маниловщина* – „бездеятельность, мечтательно-благодущное, оторванное от реальной действительности отношение к окружающему; пустое фразерство, беспринципное благодушье“, *обломовщина* – „безволие, бездеятельность и лень как общественное явление“ и т. д.;

– словосочетанием, в котором одно из слов обычно указывает на общее содержание понятия, представленного в разных языках и культурах, а другое – на специфику в его пределах данной культуры. Например: *русский характер, говорить русским языком, русский бог* и т. д.;

– абзацем текста. Например, описание всемирной русской отзывчивости в „Подростке“ Ф. М. Достоевского: *У нас созданя веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире – тип всемирного боления за всех. Это тип русский.*

В Европе этого пока не поймут. Европа создала благородные типы француза, англичанина, немца, но о будущем своем человеке она еще почти ничего не знает. И, кажется, еще пока знать не хочет. И понятно: они не свободны, а мы свободны. Только я один в Европе, с моей русской тоской, тогда был свободен

Высший культурный тип (*тип всемирного боления за всех*) представлен здесь лингвокультуремой – абзацем (абзацами). Только в составе абзаца этот тип, смысл которого сконцентрирован в завыченных словах, получает свое развитие и конкретизацию;

– целым текстом, например, стихотворением, часто символического содержания. Такова лингвокультура – символ России у Ф. И. Тютчева с ее самобытностью, загадочностью, внешним простором, дремлющими силами и, может быть, каким-то

иррациональным началом:

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная стать –

В Россию можно только верить [5, с. 54 – 56].

По мнению В. Г. Костомарова, Е. М. Верещагина и Н. Д. Бурвиковой единицей знания является логоепистема. Данное языковое явление анализируется учеными с точки зрения потребностей культуры речи и педагогической практики.

Под логоепистемой понимается „языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур” [7, с. 39].

Логоепистемы являются носителями культурного знания, возникают в сознании человека в процессе экфории (термин Н. А. Рубакина) – оживления накопленного опыта по одной детали – и могут быть представлены „словами-понятиями, пословицами, поговорками, присловьями, крылатыми словами, фразеологизмами, афоризмами, „говорящими” именами и названиями, строчками из песен и стихотворений, из произведений художественной литературы, штампами” [8, с. 8].

Являясь „материализацией национальной духовности, исторической памятью, костяком этнически-культурной ментальности” [7, с. 67], логоепистемы впитываются с „молоком матери”, усваиваются в результате получения образования, являются средством передачи результатов культурной деятельности человека другим людям.

Использование логоепистем облегчает процесс общения. Собеседники, владеющие сходным набором логоепистем, могут „кратко, образно, с опорой на исторический опыт народа, одним намеком, „свернуто” [7, с. 48] выразить собственные мысли и чувства.

Логоепистемы помогают также понять информацию, содержащуюся в тексте. Человек, не владеющий логоепистемами, знакомится с новым текстом неохотно: содержание его не захватывает, культурная информация остается не воспринятой, потому что логоепистемы, содержащиеся в тексте, ему неизвестны и текст вследствие этого оказывается недоступным, трудным для понимания.

Знание логоепистем осознается обществом как необходимый признак образованного, культурного человека. Логоепистемы обеспечивают ощущение принадлежности к определенной этнической общности, ее культурному наследию и сложившимся в процессе исторического развития народа традициям.

„Будучи рождена, логоепистема отрывается от текста, живет своей жизнью, ее значение приобретает устойчивость и однозначную определенность. Чтобы приписать ей иное значение, надо воскресить в

сознании исходный текст, отыскать в нем какую-то зацепку, позволяющую исказить уже закрепившееся значение” [7, с. 47].

Логоэпистеме свойственен ряд признаков. С точки зрения лингвистики, логоэпистема имеет словесное выражение, причем она может быть выраженной не только в слове, но и в словосочетании, предложении и сверхфразовом единстве; характеризуется отнесенностью к конкретному языку; является указанием на породивший ее текст или ситуацию; в процессе коммуникации не создается заново, но возобновляется, может видоизменяться в пределах сохранения опознаваемости (в этом случае она приобретает текстообразующую силу).

С точки зрения культурологии, лингвоэпистема характеризуется наполненностью некоторым знанием культурного характера; она семиотична и символична, поскольку является элементом системы знаков и символов, используется обществом; герменевтична, так как для ее понимания требуется соотнесение с иными текстами как артефактами культуры; дидактична, так как овладение ею возможно в процессе получения образования в смысле „вращения в культуру”.

В работе „Жизнь в мимолетных мелосах” [8] представлена классификация логоэпистем, составленная из самых распространенных случаев их употребления:

– оценочные логоэпистемы: *Птичку жалко* (из кинофильма „Кавказская пленница” – говорится в ситуации испытываемого чувства жалости, но с иронией), *К нему не зарастет народная тропа* (из стихотворения А. С. Пушкина „Памятник” – признание заслуг личности), *А нам все равно* (из кинофильма „Бриллиантовая рука” – говорится о ситуации активного безразличия) и др.;

– логоэпистемы-присловья: *Лед тронулся, господа присяжные заседатели* (из книги И. Ильфа и Е. Петрова „Золотой теренок” – говорится в ситуации, когда долго ожидаемое дело сдвинулось с мертвой точки или произошло долго ожидаемое событие), *Как бы чего не вышло* (из рассказа А. П. Чехова „Человек в футляре” – говорится при чрезмерной осторожности), *Восток – дело тонкое* (из кинофильма „Белое солнце пустыни” – говорится в ситуации, когда речь заходит о любом проявлении восточной психологии, о любом деле, к которому надо подходить особенно осторожно) и др.;

– логоэпистемы побудительного характера: *Танцуют все!* (из кинофильма „Иван Васильевич меняет профессию” – говорится в ситуации призыва к любым коллективным действиям), *Есть еще порох в пороховницах!* (из повести Н. В. Гоголя „Тарас Бульба” – говорится в ситуации подбадривания в процессе выполнения нелегкого дела), *Пилите, Шура, пилите!* (из книги И. Ильфа и Е. Петрова „Золотой теренок” – говорится в ситуации иронического призыва к продолжению бессмысленного действия) и др.;

– логоэпистемы, отражающие определенную житейскую

мудрость: *С милым рай и в шалаше* (пословица – говорится применительно к любящим, которые живут очень скромно и этим довольны), *Любви все возрасты покорны* (из романа А. С. Пушкина „Евгений Онегин” – говорится в ситуации, когда речь заходит о слишком почтенном или слишком юном возрасте влюбленных), *Жениться нужно на сироте* (из кинофильма „Берегись автомобиля!” – говорится в ситуации обсуждения возможностей выбора спутника(цы) жизни) и др. [8, с. 25 – 28].

А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев, пытаюсь обнаружить те представления о мире, стереотипы поведения и психических реакций, которые русский язык навязывает говорящему, пришли к выводу, что знания, то есть совокупность представлений о мире, формируются системой ключевых концептов и связывающих их инвариантов ключевых идей. Для русской языковой картины мира ученые выделяют несколько ключевых идей, каждая из которых передается определенными ключевыми словами:

– идея непредсказуемости мира (*а вдруг, на всякий случай, если что, авось; собираюсь, постараюсь; угораздило; добираться; счастье*);

– представление, что главное – это собраться (чтобы что-то сделать, необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно) (*собирается, заодно*);

– представление о том, что для того чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи; однако если это пространство необжитое, то это тоже создает внутренний дискомфорт (*удаль, воля, раздолье, размах, ширь, широта души, маяться, неприкаянный, добираться*);

– внимание к нюансам человеческих отношений (*общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться*);

– идея справедливости (*справедливость, правда, обида*);

– оппозиция „высокое-низкое” (*быт – бытие, истина – правда, долг – обязанность, добро – благо, радость – удовольствие; счастье*);

– идея, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует (*искренний, хохотать, душа нараспашку*);

– идея, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды (*расчетливый, мелочный, удаль, размах*) [9, с. 11].

„Ключевыми” данные слова являются потому, что они дают „ключ” к пониманию русской языковой картины мира и одновременно являются лингвоспецифичными, так как содержат в своем значении концептуальные конфигурации, отсутствующие в готовом виде в других языках.

Знания, заключенные в значениях таких слов, складываются в некую систему взглядов и предписаний, которые навязываются в качестве обязательных всем носителям языка. Человек, пользуясь этими словами, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир.

Однако владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Поскольку конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними. Например, носителям русского языка кажется очевидным, что психическая жизнь человека подразделяется на интеллектуальную и эмоциональную, причем интеллектуальная жизнь связана с *головой*, а эмоциональная – с *сердцем*. У русского человека *светлая голова* или *доброе сердце*; запоминая что-либо, он *хранит* это в *голове*, а *чувствует* *сердцем*; переволновавшись, *хватается за сердце*. Иначе и быть не может. Но для носителей некоторых африканских языков вся психическая жизнь может концентрироваться в печени: у кого-то *умная печень* или *добрая печень*; переволновавшись, они чувствуют дискомфорт в печени. Все это связано не с особенностями их анатомии, а с языковой картиной мира, к которой они привыкли.

Лингвоспецифичные слова могут иметь в языке „нейтральные” синонимы: *собираться* – *намереваться* (что-то сделать), *постараться* – *попытаться* (что-то сделать), *жалко* – *обидно* и т.д. Первые слова в каждой паре являются лингвоспецифичными и трудными для перевода на иностранные языки, вторые – удобны для перевода, так как не имеют в своем значении специфичных идей.

Из выделяемых лингвистами единиц знания наибольший интерес представляет логоэпистема, предложенная В. Г. Костомаровым, Е. М. Верещагиным и Н. Д. Бурвиковой: только она в результате экфории транслирует аккумулированные знания фактов культуры, обеспечивая тем самым их информационную преемственность и возможность анализа культурного содержания единиц внутреннего лексикона человека. Рассматриваемая В. В. Морковкиным информема понимается как односторонняя единица ментально-лингвального комплекса, не имеющая плана выражения и используемая для описания мыслительной деятельности человека. Выделенная В. В. Воробьевым лингвокультурема определяется как межуровневая единица, то есть не имеющая определенной локализации. Ключевые слова национально-языковой картины мира А. А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева не передают всего объема языковой картины мира.

Выявить и охарактеризовать логоэпистемы позволил свободный ассоциативный эксперимент, который был проведен среди представителей русской этнолингвокультуры, проживающих на территории этнической родины, а также в Украине, США, в странах Европейского союза (Греция, Кипр, Италия, Нидерланды, Германия) и Азии (Индия, Израиль). Эксперимент проводился с целью получить представление о том, как именно репрезентируется культурное

содержание языковых маркеров национально-культурного сознания во внутреннем лексиконе носителей русского языка, находящихся в условиях гетерогенного языкового окружения. За основу свободного ассоциативного эксперимента были приняты три группы языковых маркеров национально-культурного сознания, выделенных И. В. Приваловой [10; 11].

В результате проведенного свободного ассоциативного эксперимента был получен ассоциативный материал, представленный следующими разновидностями логоэпистем:

– слова и словосочетания, раскрывающие семантику стимула: *область – административно-территориальная единица, Суворовец – курсант суворовского училища, домовый – вымышленный житель дома* и т. д. В подобных реакциях проявляются различные свойства и семантические связи слов-стимулов: парадигматические отношения: *миг – мгновение, морозить – охлаждать, спокойной ночи! – приятных снов!* и т. д.; возможности словоупотребления: *три – морковь на терке, Крещенский – вечер, самогон – гнать* и т. д.; функциональные характеристики предмета: *бойфренд – дарить цветы, дедушка – сидит с внуками, провайдер – предоставить интернет* и т. д.; отношения части и целого: *береза – сережки, солянка – копчености, пирожки – картошка* и т. д.; отношения обладателя и принадлежности: *Снегурочка – голубая шубка, авоська – пенсионеры, органайзер – деловой человек* и т. д.; причинно-следственные отношения: *декрет – забеременела, водка – головная боль, знобить – заболеть* и т. д.; характеристики языковых маркеров национально-культурного сознания с точки зрения их места в системе языка: *буханка – существительное от „бухать”, как с гуся вода – фразеологизм, флешмоб – англоязычное слово* и т. д. Реакции данного вида характеризуются наибольшей частотностью в силу прочной закрепленности исследуемых языковых маркеров национально-культурного сознания во внутреннем лексиконе большинства представителей русского культурного пространства;

– фразеологизмы и паремии: *при царе Горохе – быльем поросло, семи пядей во лбу – хватает на лету, узнать всю подноготную – вывести на чистую воду* и т. д. Чаще всего подобные синонимические реакции были получены на стимулы-фразеологизмы, однако широко представлены реакции, в которых слово-стимул включается в состав фразеологических и паремиологических единиц: *копейка – копейка рубль бережет, сутки – день и ночь – сутки прочь, каравай – на чужой каравай рот не разевай* и т. д. Относительно высокая частотность подобных реакций свидетельствует о степени владения носителями русской этнолингвокультуры фразеологическим и паремиологическим фондами русского языка;

– наименования явлений общественной жизни, к которым можно отнести различные исторические периоды и события: *платок – Великая Отечественная война, перестройка – 27-й съезд ЦК КПСС, ушанка –*

1918 год и т.д., названия произведений: *сваха* – „*Женитьба Бальзамина*“, *вечереть* – „*Вечера на хуторе близ Диканьки*“, *три* – „*Трое в лодке, не считая собаки*“ и т.д., фильмов, мультипликационных фильмов, телепередач: *с легким паром!* – „*Ирония судьбы, или С легким паром!*“, *водяной* – „*Летучий корабль*“, *сваха* – „*Давай поженимся!*“ и т.д. Высокая частотность реакций данной разновидности свидетельствует об определенном культурном уровне информантов, вследствие чего анализ подобных реакций позволяет составить представление о наборе культурных сем исследуемых языковых маркеров национально-культурного сознания и культурно-историческом содержании единиц внутреннего лексикона носителей русской этнолингвокультуры;

– прецедентные имена, представленные наименованиями как реальных личностей: *Поле чудес* – *Якубович*, *37-й год* – *Сталин*, *здравствуйте!* – *Калягин* и т.д., так и персонажей различных произведений: *столовая* – *профессор Преображенский*, *кума* – *Солоха*, *дуб* – *Болконский* и т.д. Реагирование на стимул наименованием конкретного человека или персонажа может объясняться его связью с ситуациями, которые известны большинству представителей русской этнолингвокультуры;

– прецедентные тексты, представленные отрывками из песен, стихотворений, цитатами из фильмов: *вы* – „*Пустое Вы сердечным ты...*“, *привет!* – „*Привет! А мы не виделись, наверно, сто лет...*“, *водяной* – „*Я – Водяной, я – Водяной. Поговорил бы кто со мной...*“ и т.д. Являясь одним из средств накопления знаний, тексты могут прочно закрепляться в сознании носителей этнолингвокультуры, чем объясняется довольно высокая частотность подобных реакций в проводимом ассоциативном эксперименте. Несмотря на то, что реакции данной разновидности чаще находятся на периферии ассоциативного поля языковых маркеров национально-культурного сознания, они имеют особое значение при описании внутреннего лексикона человека с позиций лингвокультурологии, так как обладают наибольшей культурной маркированностью.

Рассмотрение единиц национально-культурного пространства внутреннего лексикона человека позволило сделать следующие выводы.

Из выделяемых лингвистами единиц знания наибольший интерес представляет логэпистема. Согласно В. Г. Костомарову, Е. М. Верещагину и Н. Д. Бурвиковой, под логэпистемами понимаются разноуровневые единицы языка, которые объективируют культурные ценности и являются стандартным типом языковой реакции носителя языка на внешние стимулы.

В результате свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей русского национально-культурного сознания, находящихся в условиях гетерогенного языкового окружения, был получен ассоциативный материал, представленный следующими разновидностями логэпистем:

- слова и словосочетания, раскрывающие семантику стимула;
- фразеологизмы и поговорки;
- наименования явлений общественной жизни, к которым можно отнести различные исторические периоды и события, названия произведений, фильмов, мультипликационных фильмов, телепередач;
- прецедентные имена, представленные наименованиями как реальных личностей, так и персонажей различных произведений;
- прецедентные тексты, представленные отрывками из песен, стихотворений, цитатами из фильмов.

На следующем этапе исследования предполагается разработка классификации реакций, основанной на лингвокультурном принципе и направленной на изучение культурного содержания языковых маркеров национально-культурного сознания как единиц внутреннего лексикона человека.

Список использованной литературы

- 1. Красных В. В.** „Свой” среди „чужих”: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК „Гнозис”, 2002. – 375 с. **2. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь** / [И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др.; под ред.: И. В. Захаренко и др.]. – М. : Гнозис, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова). – Вып. 1: Зооморфные образы. Прецедентные имена. Прецедентные тексты. Прецедентные высказывания. – 2004. – 315 с. **3. Караулов Ю. Н.** „Осознавание” как процесс фиксации простейших единиц знания в языковом сознании носителя языка-культуры / Ю. Н. Караулов // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: к 70-летию докт. филол. наук, проф. Е. Ф. Тарасова : [сборник / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; редкол. : В. А. Виноградов и др.]. – Калуга : Ин-т языкознания РАН : КГТУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – С. 178 – 189. **4. Морковкин В. В.** Язык, мышление и сознание / В. В. Морковкин // Русский язык : Энциклопедия / [Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук; гл. ред. (авт. предисл.) Ю. Н. Караулов] : 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая рос. энциклопедия : Изд. дом „Дрофа”, 1997. – 703 с. **5. Воробьев В. В.** Лингвокультурология: (Теория и методы) / В. В. Воробьев. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с. **6. Потебня А. А.** Мысль и язык / А. А. Потебня. – 3-е изд., доп. ст. „Язык и народность” и „О национализме”. – Харьков : тип. „Мирный труд”, 1913. – 225 с. **7. Костомаров В. Г.** Старые мехи и молодое вино: Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX в. / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб. : Златоуст, 2001. – 72 с. **8. Бурвикова Н. Д.** Жизнь в мимолетных мелочах / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2006. – 68 с. **9. Зализняк А. А.** Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 540 с. – (Язык.

Семиотика. Культура). **10. Привалова И. В.** Интеркультура и вербальный знак: лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации : [монография] / И. В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005. – 469 с. **11. Привалова И. В.** Языковое сознание: этнокультурная маркированность (Теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 „Теория языка” / И. В. Привалова. – Москва, 2006. – 50 с. **12. Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик; Научно-исслед. лаб. „Аксиологическая лингвистика”. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

Ситникова О. В. Одиниці національно-культурного простору внутрішнього лексикону людини

Лінгвістика ХХІ ст. активно розробляє напрямок, в якому мова розглядається як культурний код нації. На даний момент теоретико-методологічна база лінгвокультурології все ще перебуває на стадії становлення. Серед учених немає єдиної думки ні щодо статусу даної галузі знання, ні щодо предмета та методів лінгвокультурологічних вишукувань. Проте дослідники в рамках власних теорій намагаються висвітлити різні сторони лінгвокультурологічної проблематики: вивчають культурну семантику мовних знаків; визначають способи, якими мова втілює у своїх одиницях, зберігає і транслює культуру; виявляють фактори, що обумовлюють національно-культурну специфіку спілкування, тощо.

У даному дослідженні робиться спроба обґрунтувати правомірність вибору логоепістими як одиниці національно-культурного простору внутрішнього лексикону людини. Вільний асоціативний експеримент, який було проведено серед носіїв російської національно-культурної свідомості, що знаходяться в умовах гетерогенного мовного оточення, дозволив виявити деякі різновиди досліджуваного мовного явища.

Ключові слова: знання, концепти, уявлення, ядро національного культурного простору, одиниці знання, інформема, лінгвокультурема, логоепістема, ключові слова національно-мовної картини світу, вільний асоціативний експеримент, різновиди логоепістем.

Ситникова Е. В. Единицы национально-культурного пространства внутреннего лексикона человека

Лингвистика ХХІ в. активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации. В настоящий момент теоретико-методологическая база лингвокультурологии все еще находится на стадии становления. Среди ученых нет единого мнения ни относительно статуса данной области знания, ни относительно предмета и методов лингвокультурологических изысканий. Однако исследователи в рамках собственных теорий пытаются осветить разные стороны

лингвокультурологической проблематики: изучают культурную семантику языковых знаков; определяют способы, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру; выявляют факторы, обуславливающие национально-культурную специфику общения, и т.д.

В данном исследовании делается попытка обосновать правомерность выбора логоэпистемы как единицы национально-культурного пространства внутреннего лексикона человека. Проведенный среди носителей русского национально-культурного сознания, находящихся в условиях гетерогенного языкового окружения, свободный ассоциативный эксперимент позволил выявить некоторые разновидности рассматриваемого языкового явления.

Ключевые слова: знания, концепты, представления, ядро национального культурного пространства, единицы знания, информема, лингвокультурема, логоэпистема, ключевые слова национально-языковой картины мира, свободный ассоциативный эксперимент, разновидности логоэпистем.

Sytnykova O. V. Units of National Cultural Space of Human Inside Lexicon

“Rapid globalization of the world problems; the necessity to take into account the universal and specific characteristics of behavior and communication of different peoples in solution to a wide variety of issues; the need to have advance knowledge of those situations in which there is a major risk of cross-cultural misunderstanding; the importance of identifying and exact designation of those cultural values that underlie communication activity; objective integrative tendency for development of the humanities” [12, p. 73] – all of these reasons, according to V. I. Karasik, led to the emergence of cultural linguistics.

At present, the theoretical and methodological framework of cultural linguistics is still at the formative stage. Among scientists there is no consensus regarding neither the status of this demesne of knowledge, nor the subject and methods of linguocultural investigations. However, researchers within their own theories attempt to cover different aspects of linguocultural range of problems: they study the cultural semantics of linguistic signs, determine the ways, in which language embodies in its units, stores and transmits culture, they identify factors that cause national and cultural specificity of communication, etc.

In this study, an attempt to substantiate the relevancy of choosing logoepesteme as a unit of national cultural space of human inside lexicon is made. The free associative experiment conducted among Russian national and cultural consciousness representatives in situations of heterogeneous language environment, allowed to reveal some varieties of the studied linguistic phenomenon.

Key words: knowledge, concepts, ideas, the core of the national

cultural space, units of knowledge, informeme, lingvo-cultureme, logoevisteme, keywords of national and linguistic worldview, free associative experiment, varieties of logoevistemes.

Стаття надійшла до редакції 18.01.2014 р.

Прийнято до друку 28.02.2014 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Глущенко В. А.

УДК 81'373'42

І. Д. Стоянова

**ЛЕКСИЧНІ ЗАСОБИ ВЕРБАЛІЗАЦІЇ ОБРАЗНО-
ЦІННІСНОГО СКЛАДНИКА ЛІНГВОКУЛЬТУРНОГО
КОНЦЕПТУ *STATE* В ДИСКУРСІ АНТИУТОПІЇ**

В статті розглядаються особливості вербалізації образно-ціннісного складника лінгвокультурного концепту *STATE* в дискурсі антиутопії. Актуальність дослідження визначена антропоцентричною природою досліджуваного концепту та його належністю до фундаментальних ментальних уявлень, які лежать в основі процесів категоризації та концептуалізації соціокультурної дійсності, а також залученням когнітивно-дискурсивних методик аналізу, що відкривають нові можливості вивчення концептів через їх функціонування у дискурсі.

Об'єктом дослідження є сукупність мовних засобів вербалізації концепту *STATE* на лексичному рівні в дискурсі антиутопії. Мета цієї статті розкрити лінгвокультурну специфіку концепту шляхом з'ясування характерних мовних засобів його актуалізації. Матеріалом дослідження стали контексти дискурсу антиутопії, що були виділені методом суцільної вибірки із художніх творів жанру антиутопії англійських та американських авторів двадцятого сторіччя. Обсяг склав понад 4738 сторінок.

Аналіз мовного матеріалу дозволяє виявити мовні засоби і пояснити особливості вербалізації концепту *STATE* в англійській мовній картині світу. Спираючись на трактування концепту як одиниці свідомості, що відбиває знання та досвід людини [1, с. 95; 2, с. 91], услід за Г. Г. Слишкіним [3], В. І. Карасиком [4, с. 129], розмежовуємо понятійний, образний та ціннісний зміст концепту *STATE*, співвідносний із компонентами значення номінативних одиниць мови, які вербалізують його у дискурсі.

Образно-ціннісний складник концепту відбивається у його чуттєвому сприйнятті й у сукупності оцінок, які наявні в індивідів [5, с. 49; 6, с. 47; 7, с. 62]. Образно-ціннісний складник концепту *STATE* реалізується в англійському дискурсі антиутопії за допомогою